

■ Теория и методология

А. Ш. Жвйтиашвили

КОНЦЕПЦИИ МОДЕРНИЗАЦИИ В ЗАПАДНОЙ СОЦИОЛОГИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

DOI: 10.19181/snsp.2018.6.2.5854

Жвйтиашвили Анатолий Шалвович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5
E-mail: zhvitiashvili-a@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются концепции модернизации в западной социологии. В ней выделены две основные модели – изоморфная и неизоморфная. Критерием их выделения служат принцип корреляции реального (экономические отношения) и символического (культурные и политические подсистемы). В изоморфной модели модернизация понимается как целостный, социетальный процесс, затрагивающий все сферы общества. Модель сохраняет взгляд на необходимость общих черт перехода к современному обществу, которые дают право назвать такой переход модернизацией. Для данного подхода характерна недооценка социокультурных особенностей незападных обществ, затрудняющих процесс их вестернизации. Отчасти это связано с редукцией модернизации к дифференциации. В ряде случаев осмысление соотношения экономической и политической модернизации тяготеет к подмене корреляционных связей каузальными. Кроме того, в изоморфной модели стадийный и цивилизационный подходы настолько сближаются друг с другом, что становятся взаимно заменимыми. Сторонники неизоморфной модели раздвигают границы понимания модернизации, отличая её от вестернизации. Разграничение обоих понятий имеет не только теоретико-методологическое, но и практическое значение. Оно помогает оценить способность разных цивилизаций войти в современный мир и развиваться в нём. Вместе с тем у части сторонников неизоморфной модели наблюдается тенденция размывания идеи модернизации из-за склонности к отождествлению множественности модернизаций с множеством цивилизаций, редукции модернизации к трансформации, недооценки экзогенных факторов. Критика трактовки С. Липсета сводится к критике принципа корреляции между доходом и демократией. В неизоморфной модели баланс стадийного и цивилизационного подходов нередко нарушается в сторону последнего. Сторонники обеих моделей отталкиваются от принципа корреляции реального и символического в трактовке Липсета. Одни её принимают, другие критикуют. Однако, несмотря на слабые стороны трактовки Липсета, нет повода для отказа от неё. Достаточно перевести её в разряд гипотезы, в сравнении с которой концепция «множественной современности» выглядит более проблематичной.

Ключевые слова: модернизация, западная социология, корреляция, реальное и символическое, изоморфная модель, неизоморфная модель, трактовка Липсета, множественная современность.

Выбор методологического ориентира

Концепция модернизации занимает специфическое место среди социологических теорий. Она находится на стыке теории общественно-экономических формаций и цивилизационного подхода, образуя точку их пересечения. Поэтому

не следует противопоставлять концепт модернизации как формационному, так и цивилизационному анализу. Причастность к ним концепции модернизации делает её гибким теоретико-методологическим инструментом при рассмотрении трансформационных процессов, показывающим вектор их динамики. Всплеск интереса к идее модернизации после её критики связан с глобальными сдвигами в системе мировых отношений и успехами в перестройке обществ ряда стран третьего мира. Однако актуальность идеи модернизации не снимает некоторые трудности, порождаемые ею. На одну из них обратил внимание Н. Луман – на не всегда оправданное противопоставление понятий традиционного и современного. По его словам, «свойственная европейскому рационализму враждебность к традиции (и восторги по поводу новаторства), в свою очередь, представляет собой традицию...» [Луман, 2006: 240]. Современная технологическая революция делает более размытой грань между традицией и новацией. Другая проблема идеи модернизации происходит из процесса гомогенизации технологических основ современного мира и разнообразия в нём социокультурных и политических систем. Иначе говоря, почему в странах, обладающих общим технологическим потенциалом, сохраняются разные культурные и политические системы? Должны ли они тоже быть унифицированы с целью достижения модернизационного эффекта? Существует ли эталон модернизационных практик или следует признать «множественность модернизаций»?

Сравнение разработок представителей классической социологии с представлениями о модернизации, распространёнными в современной западной социологии, показывает, что трактовки идеи модернизации эволюционировали от западнцентризма к признанию осуществимости модернизационного проекта на иных цивилизационных основаниях. Среди методологических подходов, содержащихся в наследии классической социологии, выделим идею изоморфизма реального (технологии, экономические отношения) и символического (культурные, политические факторы) порядков как основополагающую для понимания феномена модернизации. Идеи научной, или позитивной, фазы общественного развития (О. Конт), рационализации (М. Вебер), органической солидарности (Э. Дюркгейм), абстрактизации (Г. Зиммель) подразумевали достижение соответствия между реальным и символическим в процессе формирования современного общества. Заметим, что принцип корреляции не сводится к проблеме первичности материального или идеального источника детерминации социальных явлений. Так, по собственному признанию М. Вебера, он не пытался «заменить одностороннюю “материалистическую” интерпретацию каузальных связей в области культуры и истории столь же односторонней спиритуалистической каузальной интерпретацией» [Вебер, 2006: 128].

Концептуальные модели модернизации можно классифицировать по разным основаниям. Мы исходим из идеи изоморфизма (корреляции) реального и символического для группирования этих моделей в западной социологии. Выделение данного принципа позволяет наметить две основные модели – изоморфную и неизоморфную.

Концептуальные модели модернизации

Изоморфная модель

Её сторонники сохраняют осязаемую связь с наследием классической социологии в понимании соотношения традиционного и современного. Так, предложенный Т. Парсонсом подход соединил идею структурной дифференциации, разработанную в классической социологии, с принципом дихотомии традиционного и современного в духе Ф. Тённиса и с социокультурными аспектами концепции модернизации Вебера и Дюркгейма. Американский социолог наметил структуру «паттернов переменных» человеческих действий, построенную на бинарных оппозициях: достижительность—аскрипция, универсализм—партикуляризм, специфичность—диффузность и аффективная нейтральность — аффективность, ориентация на себя — ориентация на коллектив. Первая часть данных оппозиций характеризует стратегии поведения в обществах модерна, вторая — в додерновых обществах. В противоположность аскриптивным связям, определяемым социальным происхождением, достижительность есть результат свободного выбора индивида. В противоположность партикуляризму, оценивающему статус индивида с точки зрения его принадлежности к какой-либо группе или классу, универсализм рассматривает индивида с позиций общепринятых институциональных стандартов (например, равенство всех перед законом). В противоположность диффузности, в соответствии с которой индивид выполняет одновременно множество ролей в рамках коллектива традиционного типа, специфичность предполагает дифференциацию в выполнении структурных ролей. Аффективная нейтральность характеризует рациональное отношение индивидов друг к другу, аффективность свидетельствует об эмоционально окрашенном характере межличностного взаимодействия. Наконец, за противопоставлением ориентации на себя и ориентации на коллектив угадывается дихотомия «органической» и «механической солидарности» Дюркгейма, которой отмечены ранние фазы индустриальной модернизации. Концепция «паттернов переменных» деятельности дополнена делением общества на четыре подсистемы: культурную, или подсистему воспроизводства образца, целедостиженческую, или политическую, адаптивную, или экономическую, и интегративную (социетальное сообщество) [Парсонс, 1998: 23–24]. Особую роль в модернизации Парсонс отвёл воспроизводству культурных образцов. По его словам, «генерализация ценностных систем до такой степени, когда они становятся способными эффективно управлять социальным действием без опоры на подробно расписанные запрещения, является одним из центральных факторов в процессе модернизации» [Парсонс, 1998: 29]. В целом успех модернизации Парсонс связывал с высоким уровнем дифференциации основных подсистем общества. Если, например, на ранних стадиях модернизации отношения между государством и обществом могут носить аскриптивный характер, в рамках которого простые люди считались ещё

подданными монарха, то «при достижении уровней дифференциации, соответствующих модернизированному обществу, власть политических лидеров имеет обыкновение становиться зависимой от поддержки... широких слоёв населения» [Парсонс, 1998: 31]. Выделенные Парсонсом «три очень общих эволюционных уровня»: первобытный, переходный и современный — отличаются друг от друга прежде всего изменениями в символическом порядке. Для транзита первобытного общества к обществу переходного типа «главная линия развития заключается в языке, который является в первую очередь компонентом культурной системы» [Парсонс, 2002: 820]. Для транзита общества переходного типа к современному обществу «критической точкой развития» Парсонс считал «институционализацию кодов нормативного порядка, концентрирующихся в юридической системе» [Парсонс, 2002: 820].

Концепция Т. Парсонса универсализировала западный опыт развития, а вместе с ним и применимость принципа корреляции реального и символического к обществам, идущим путём модернизации.

В логике этого же подхода выдержаны трактовки части западных социологов, имевших дело с социальной реальностью, сформировавшейся в результате распада колониальной системы, который поставил страны третьего мира перед выбором путей развития. Задача западных социологов состояла в попытке обосновать необходимость вестернизации новых независимых государств на базе логики линейной модернизации. Так, типология У. Ростоу включает пять стадий социального прогресса: аграрное общество, транзитная стадия (научные и технические открытия), стадия всплеска, стадия зрелости (консолидация фабричного производства) и стадия массового потребления [см.: Тихонова и др., 2007: 24]. В трактовке Ростоу модернизация обеспечивает победу рационального во всех сферах социальной организации — от экономики и общественных институтов до мышления и ценностей. Такая трактовка предписывала незападным странам ориентацию на западный образец как на эталон общественного развития.

Другой американский социолог С. Липсет сосредоточился на анализе влияния экономических и культурных компонентов модернизации на её политический компонент. К экономическим компонентам модернизации он отнёс индустриализацию, урбанизацию и рост доходов, к культурным — систему образования и религию, к политическим — демократию. Позиция Липсета неоднозначна. Он соглашался с мыслью Вебера о том, что «современная демократия может возникнуть только в условиях капиталистической индустриализации» [Lipset, 1963: 28]. Но одновременно американский социолог признавал, что «даже теоретически нельзя предусмотреть высокую степень корреляции между доходом, образованием и религией, с одной стороны, и демократией, с другой, из-за автономного функционирования политической подсистемы общества» [Lipset, 1963: 28]. Формально Липсет сторонился смешения корреляционных связей с каузальными. Тем не менее его трактовка соотношения основных ком-

понентов модернизации смещает акцент на преобладающую роль экономической модернизации в переходе общества к политической системе современного типа. Это отличает Липсета от Парсонса, чьё понимание модернизации построено на аксиологическом подходе.

Со вступлением западных стран в полосу развития информационного общества западные социологи внесли коррективы в концепцию модернизации. Следуя триадическому принципу классификации социальных явлений, Д. Белл и О. Тоффлер выделили три основных типа общества: доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное, или первую, вторую и третью волны цивилизации. Белл наметил несколько основных признаков постиндустриального общества: переход от индустриального к сервисному обществу; решающую роль теоретического знания для реализации технологических инноваций; превращение «интеллектуальной технологии» в ключевой элемент принятия решений; превращение технических специалистов в основную профессиональную группу; появление класса консультантов, экспертов и технократов [Белл, 1999]. Определение современного общества как постиндустриального вызвало возражения у ряда западных социологов. Так, С. Коэн и Дж. Зусман оспорили выводы Белла о «сдвиге к сервисной активности и кончине производства», заключив, что он принял «иную разновидность индустриальной экономики» за постиндустриальную [Cohen, Zusan, 1987]. Дж. Ритцер видит продолжение индустриального пути развития в «макдональдизации» общества как новой форме рационализации, описанной ещё М. Вебером. Запущенная сетью ресторанов фастфуд «Макдоналдс», «макдональдизация» с её принципами эффективности, калькулируемости, предсказуемости и контроля с помощью технологий не отменяет основы индустриального общества, включая бюрократизацию, конвейерные сборки и научное управление организацией труда [Ритцер, 2011]. Позже М. Кастельс показал особенность современной фазы развития. По его словам, «термин “информационное общество” подчёркивает роль информации в обществе... Термин “информационное” указывает на атрибут специфической формы социальной организации, в которой... генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти» [Кастельс, 2000: 42]. В отличие от концепции «сервисного общества» Белла, где фиксируется изменение видов производственной деятельности, концепция «информационного общества» Кастельса делает акцент на «технологической способности использовать в качестве прямой производительной силы» «способность обрабатывать и понимать символы». У. Бек и З. Бауман расширили рамки картины модернизационных трендов, выделенных теоретиками информационного общества, отсылая к процессам индивидуализации социальных отношений (расширение индивидуальных прав и свобод, рост автономии индивида от коллектива, «колонизация» общественного пространства частным, индивидуализация труда), формирующим «индивидуализированное общество» [Бауман, 2008; Бек, 2000]. В таком обществе усиливаются индивидуальные идентичности, возникает то, что

Бауман назвал «текущей современностью», Гидденс — «ускользающим миром», а Бек — «обществом риска», производство рисков опережает производство благ, а социальная реальность становится виртуальной.

Понимание модернизации как определённого типа рациональности отличает подходы У. Бека, Э. Гидденса и С. Лэша [Beck et al., 1994]. Обобщающим понятием их построений является концепт рефлексивной модернизации. Она означает, что всё больше акторов «приобретает способность осмыслить социальные условия своего существования и изменить их» [Beck et al., 1994: 174]. Можно провести параллели между понятием рефлексивной модернизации, с одной стороны, и понятиями, скажем, научной (позитивной) фазы интеллектуального развития (О. Конт) или рационализации (М. Вебер) — с другой. Вслед за своими предшественниками с их идеей связи между сознанием индивида, готового, по словам Вебера, «расколдовывать мир», и отходом от институциональных практик традиционного общества, Бек, Гидденс и Лэш находят связь между рефлексивным мышлением и «детрадиционализацией» современного мира. Однако понятие рефлексивной модернизации представляет собой более сложный тип рациональности, чем его аналоги времён классической социологии. В рассматриваемой концепции рефлексивные поведенческие стратегии должны создаваться с учётом текучести, неопределённости, нарастающей рискогенности современных социальных ситуаций и индивидуализации общественных отношений. Бек, Гидденс и Лэш указали на новое измерение модернизации — на формирование глобального общества как выражения универсальных тенденций общественного развития. Глобалистский подход к проблеме модернизации меняет её оптику. Модернизация становится не столько результатом выбора той или иной страной своего пути развития, сколько одним из атрибутов глобального мира. Но тогда приоритет переходит от эндогенных факторов к экзогенным. Думается, что сегодня успех модернизации скорее зависит от баланса эндогенных и экзогенных факторов. Его нарушение в ту или иную сторону может только снизить модернизационный эффект.

Бек, Гидденс и Лэш поставили проблему специфики модернизации в условиях глобальной современности, но недооценили случаи осуществления модернизационного проекта силами национального государства, которое остаётся несущей институциональной конструкцией в современном мире.

Позже Бек предложил понимать под рефлексивной модернизацией «рефлексивное незнание», что заставляет вспомнить сократовское изречение «Я знаю, что ничего не знаю» [Beck, 2010]. На первый взгляд, «когнитивный пессимизм» Бека кажется несовместимым с «когнитивным оптимизмом» Гидденса и Лэша. На деле они в равной мере присущи когнитивной активности индивидов в их поисках ответов на вопросы, порождаемые окружающей реальностью.

Близка логике подходов Бека и Баумана концепция социальной акселерации Х. Росы [Rosa, 2013]. В ней выделены три формы ускорения изменений современного общества: ускорение технологических изменений, социальных перемен (в том числе в сфере культуры) и темпа жизни. Концепт социальной акселерации, отра-

жающий процесс ускорения (сжатия) времени, вызывающий рост неустойчивости социальных и межличностных отношений, наследует идею темпоральности как базовой характеристики чувственного цикла цивилизационного развития, согласно концепции социокультурной динамики П. Сорокина. В трактовке Росы темпорализм ведёт к девальвации прогресса, на котором зиждется сама идея модернизации.

Некоторые социологи выдвинули идею социально ориентированной модернизации, включающую отказ от мер жёсткой экономии и требование «экономической справедливости» [Cardoso et al., 2017]. По их мнению, два фактора открывают возможность для такой модернизации: массовый социальный протест (с 2006 по 2013 г. в 84 странах в протестах участвовали 90% их населения) и то обстоятельство, что «границы, отделяющие политическую сферу от экономической и финансовой, всё больше размываются» [Cardoso et al., 2017: 406]. Учёт последнего фактора позволяет пересмотреть актуальность мысли Т. Парсонса о том, что в основе модернизации лежит дифференциация.

Иную версию изоморфной модели содержат разработки Х. Вельцеля и Р. Инглхарта. Они рассматривают модернизацию как процесс, основанный на «принципе человеческого развития», т. е. на «расширении возможностей индивида» [Вельцель, Инглхарт, 2008: 97]. Исследователи выделили три базовые формы модернизации, в которые конвертируется рост возможностей индивидов: экономическую (доступ индивидов к материальным ресурсам), культурную (либеральные устремления, т. е. устремления к свободе личности) и политическую (акцентирование либеральных прав) (см. таблицу 1).

Таблица 1

Компоненты человеческого развития (ЧР)

Компоненты	Экономический	Культурный	Институциональный
Измерение компонентов ЧР	Ресурсы	Либеральные устремления	Либеральные права
Сферы формирования компонентов ЧР	Социально-экономическая структура	Политическая культура	Институты режима
Процессы, формирующие компоненты ЧР	Экономическое развитие	Изменение ценностей	Демократизация
Вклад компонентов в ЧР	Развитие индивидуальных возможностей, опосредованное увеличением доступа к ресурсам	Развитие индивидуальных возможностей, опосредованное ростом притязаний	Развитие индивидуальных возможностей, опосредованное расширением прав
Каузальные приоритеты в формировании компонентов	Доступ к ресурсам	Притязания	Индивидуальные возможности
Фокальная точка конвергенции всех компонентов	Развитие индивидуальных возможностей на массовом уровне = уровень человеческого развития в рамках данного общества		

Источник: [Вельцель, Инглхарт, 2008: 110].

Заметим, что в подходе авторов ощутимо влияние концепции политической модернизации Г. Алмонда и С. Вербы, ключевым признаком которой выступает культура участия, где актор наделён свободой политического и гражданского выбора, положения Липсета о корреляции между экономическим развитием и развитием демократии, а также идей Парсонса об особой роли культурной подсистемы в модернизационных процессах. По словам Вельцеля и Инглхарта, «по мере экономической модернизации устремления к свободе становятся всё более интенсивными и распространёнными» [Вельцель, Инглхарт, 2008: 97]. В качестве эмпирической иллюстрации своего ключевого тезиса они использовали полученные в разных странах мира данные о соотношении величины дохода индивидов и роста демократизации общества (см. таблицу 2).

Таблица 2

**Сопоставление вероятности системных трансформаций
с годовым доходом на душу населения**

Годовой доход на душу населения, \$	Вероятность преобразования автократии в демократию, делённая на вероятность преобразования демократии в автократию
До 1000	0,10
1001–2000	0,24
2001–3000	0,64
3001–4000	1,50
4001–5000	3,13
5001–6000	6,25
6001–7000	11,75
Более 7000	28,33

Источник: [Вельцель, Инглхарт, 2008: 89].

Основная идея этих авторов состоит в том, что чем выше доход, тем выше вероятность преобразования автократии в демократию. Как следует из таблицы 2, в странах, где годовой доход на душу населения составляет более \$ 7000, вероятность трансформации автократии в демократию в 28 раз выше, чем в странах с годовым доходом на душу населения до \$ 1000. Устанавливая зависимость достижимости демократии от экономических переменных, Вельцель и Инглхарт возвращаются к мысли Липсета о связи между экономическим развитием и развитием демократии. Однако за рамками такого подхода остаётся ответ на вопрос о том, почему в одних странах, где наблюдается глубокое расслоение в обществе, существуют относительно устойчивые демократические системы (Индия, Бразилия, ЮАР), а в других странах, где не больше, а то и меньше социальное неравенство, сохраняются авторитарные режимы (Сингапур, Китай).

Неизоморфная модель

Явный или скрытый западнцентризм в понимании модернизации вызвал ответную реакцию у части западных социологов в виде идеи множественности модерна. Однако эти построения также не свободны от противоречий.

Попытку их разрешения предпринял Ш. Эйзенштадт. Он исходил из идеи «множественной современности», которая «предполагает, что лучший способ понимания современного мира состоит в рассмотрении его как истории о непрерывном создании и пересоздании множества культурных программ» [Eisenstadt, 2000a: 2]. Здесь Эйзенштадт сближается с Парсонсом в оценке роли культурной подсистемы в модернизации. Но, в отличие от Парсонса, он пытался освободить цивилизационный анализ от довлеющего над ним понимания модернизации в духе классической социологии. Одной из главных характеристик «многих современностей» Эйзенштадт считал «потенциал самокоррекции, способность решать проблемы, не предусмотренные первоначальной версией» модернизации [Eisenstadt, 2000b: 25]. Это приводит к некоторому размыванию единых оснований модернизационных процессов, осложняя возможность объединить некий класс трансформирующихся обществ в категорию модернизирующихся, при допущении многообразия форм транзита на разной цивилизационной основе. Среди базовых критериев модернизации, которая определяется как «процесс изменения... социальных, экономических и политических систем» в Западной Европе и США «с семнадцатого по девятнадцатый век», а затем распространившийся «в девятнадцатом и двадцатом веках — на южноамериканский, азиатский и африканский континенты», Эйзенштадт выделил три характеристики структурной дифференциации [Eisenstadt, 1966: 1]. Первая состоит в «возрастающей вычлененности специфических институциональных функций из исходных аскриптивных... общностей»; вторая — в росте «специализации... политических и экономических элит»; третья — в развитии «того, что часто называли классовым обществом» [Эйзенштадт, 1999: 98].

Анализируя опыт модернизации стран третьего мира, Эйзенштадт указал на ограничители их вестернизации: феномен «неопатримониальных обществ» и эффект «структурной дуальности». В рамках обществ неопатримониального типа «центр... монополизировал... политические ресурсы; крупным группам населения оставалось немного возможностей для самостоятельного доступа к таким ресурсам и к позициям контроля над последними» [Эйзенштадт, 1999: 327]. Признаком структурной дуальности называется сочетание в условиях модернизации «дезорганизованного традиционного» и «неинтегрированного современного» сегментов общества [Eisenstadt, 1966: 87]. Эйзенштадт рассматривал структурную дуальность на трёх уровнях. Во-первых, между традиционным и современным существует слабая связь. Во-вторых, перемещение в центры современной социальной жизни — города — утративших свою нишу сельских мигрантов формирует новый тип городской бедноты (фавелы в Бразилии, райо-

ны нищеты в Аргентине и пр.). В-третьих, дуальность характеризуется растущим разрывом между сельским и городским населением, а также неспособностью элит интегрировать аграрные сегменты в общество модерна. Эйзенштадт пришёл к выводу, что модернизация «не привела к возникновению единой цивилизации или к универсальному институциональному образцу, напротив, имеет место развитие... цивилизаций,.. обладающих тенденцией к развитию разных процессов преобразований их социальных институтов» [Eisenstadt, 2000b]. Идея множественности модерна переходит в идею множественности цивилизаций, что размывает саму идею модернизации, сообщая ей условный характер.

В логике отказа от западнцентристской трактовки лежит и подход С. Хантингтона к модернизации. Он выделил три реакции незападных обществ на «экспансию Запада»: отторжение как модернизации, так и вестернизации; принятие того и другого; принятие модернизации и отторжение вестернизации [Хантингтон, 2003: 100]. В качестве наглядного примера модернизации без вестернизации американский социолог приводил советский опыт построения общества индустриального модерна. При этом Хантингтон различал категории прогресса и достижения, полагая, что показателем состояния модернизации во многих незападных обществах может служить категория достижения. Прогресс он понимал как «уровень изменения условий в отношении к... цели», а достижение — как «достигнутый уровень или степень реализации цели» [Huntington, 1996: 481]. Принцип различения понятий прогресса и достижения — методологический приём, использованный Хантингтоном для обоснования концепции множественности модерна на разных цивилизационных основах. Другая его идея — «столкновения цивилизаций» — подчёркивает конфликтный характер межцивилизационного взаимодействия в условиях глобального мира, что должно продемонстрировать отсутствие единой цивилизации.

Характеристику отношения незападных стран к модернизации, аналогичную пониманию Хантингтоном модернизации незападного типа, можно найти у А. Турена [Touraine, 1988]. Не принимая идею отождествления вестернизации и модернизации, французский социолог ввёл понятия «антимодернизация» и «контрмодернизация», которые он определял как то, что Хантингтон называл, соответственно, отторжением модернизации и модернизацией без вестернизации. Появление обеих альтернатив вестернизации Турен объяснял социокультурной спецификой незападных обществ и тем, что «развитие не является непрерывной эволюцией» [Touraine, 1988: 452]. Такое понимание развития не только расходится с линейным образом модернизации, но и позволяет принять за неё разнонаправленные процессы трансформации в незападных странах.

У сторонников рассматриваемой модели «множественная современность» фактически растворяется в множественности цивилизаций, что затрудняет выделение специфических черт модернизации, отличающих её от других социально-структурных процессов. В частности, модернизация сводится к трансформации. Понятие контрмодернизации ослабляет тенденцию редукции модернизации

к трансформации, но не устраняет её. Следует помнить, что в основе самой идеи модернизации лежит идея прогресса как доминирующего образа времени в западной цивилизации. Такое восприятие времени отсутствует, например, в восточных цивилизациях. Поэтому как бы ни отличались практики модернизации в разных странах, если они не объединены идеей прогресса, происходящие в них изменения вряд ли можно считать модернизационными. Отсюда возникают парадоксы модернизации. Например, трансформацию незападного общества, если оно движимо не идеей прогресса, а, скажем, стремлением скопировать чужой опыт развития, нельзя назвать модернизацией. Ещё один изъян концепции множественной современности состоит в недооценке экзогенных факторов модернизации в незападных странах. Несмотря на силу культурных традиций в незападных обществах, они не обходятся без использования западных образцов технологий, западных инвестиций, западной системы образования и даже прямой помощи западных специалистов. В этом отношении незападные версии модернизации представляют собой порождение не только эндогенных, но и экзогенных факторов. А стало быть, вестернизация явно или неявно присутствует в незападном опыте модернизационных начинаний. Следовательно, западные критерии современного общества не могут полностью исключаться из модернизационных практик незападных стран.

В неизоморфной модели есть и другой подход. Его сторонники рассматривают соотношение только двух переменных из формулы Липсета — дохода и демократии, показывая отсутствие каузальных связей между ними. Эти социологи исходят из возможности привить демократию обществам модернизации независимо от их стадияльной или цивилизационной принадлежности. Здесь эндогенные факторы модернизации имеют меньшее значение, чем в концепции множественной современности. Такой подход избегает размытости концепта множественной современности и преодолевает узость понимания модернизации как процесса, телеологически генерирующего демократию.

Так, А. Пшеворски и Ф. Лимонжи выдвинули идею ограниченности трактовки модернизации, понимаемой как «постепенная дифференциация... социальных структур, кульминирующая в отделении политических структур от всех остальных и делающая возможной демократию», проводя важное с методологической точки зрения разграничение между модернизацией и процессом дифференциации [Przeworski, Limongi, 1997]. Преодолевая распространённую в западной социологии редукцию модернизации к дифференциации, они тем самым избегают смешения модернизации с другими социально-структурными процессами.

Другая важная поправка к концепции модернизации состоит в отказе авторов от представления о корреляции между динамикой роста уровня доходов и ростом вероятности политической модернизации, т. е. от представления о том, что рост благосостояния является корреляционным фактором демократизации общества. Отказ от этого представления сопряжён с критикой позиции Липсета и его последователей. Если, скажем, по мнению Вельцеля и Инглхарта, у стра-

ны, в которой уровень доходов превышает \$ 7000 на душу населения, намного больше шансов перейти к демократии, чем у страны, в которой доход составляет менее \$ 1000, то, согласно Пшеворски и Лимонжи, обладание доходом в размере \$ 6000 и выше снижает вероятность перехода к демократии. Но, как это ни парадоксально, подход Пшеворски и Лимонжи по ряду позиций сближается с подходом Липсета. Выводы Пшеворски и Лимонжи об осуществимости демократии независимо от уровня экономического развития перекликаются с мыслью Липсета о том, что «политическая форма может выжить во враждебных для неё условиях» [Lipset, 1963: 28]. Кроме того, Пшеворски и Лимонжи полностью исключили корреляционные связи между экономическими и политическими переменными модернизации. По их словам, «вероятность выживания демократии в странах с растущей экономикой и с доходом менее \$ 1000 на душу населения выше, чем в странах с доходом от \$ 1000 до \$ 2000, но переживающих экономический спад» [Przeworski, Limongi, 1997]. Игнорирование Пшеворски и Лимонжи роли культурной подсистемы Парсонса в модернизации обедняет анализ взаимодействия между её экономическими и символическими переменными, сужая понимание транзита к современности как многомерного процесса.

Более сложное решение проблемы соотношения дохода и демократии предложили Д. Асемоглу, С. Джонсон, Дж. Робинсон и П. Яред. Они считают непродуктивным анализ корреляции между уровнем дохода (или, как они пишут, «богатством») и уровнем развития демократии без учёта других факторов. Поиск факторов, способных объяснить эту корреляцию, подводит авторов к следующей гипотезе. Она «состоит в том, что... корреляция между изменениями в доходах и демократией обусловлена... различиями в колониальной политике европейских стран» как «детерминанте различных путей развития колониальных обществ» [Acemoglu et al., 2008: 812–813]. Исходя из этого, Асемоглу и его коллеги различают западные страны в зависимости от выбора ими пути развития – демократического или авторитарного. Отсюда следует, что демократической может стать даже бедная страна, если её выбор пал на демократический путь развития. При этом, отвергая «каузальный эффект» влияния роста доходов на развитие демократии, Асемоглу и его коллеги принимают принцип «обратного каузального эффекта», т. е. эффекта влияния демократии на экономические переменные. Это отличает их от социологов, подчёркивающих «каузальный эффект» влияния экономического развития на состояние демократии. Принятие принципа «обратного каузального эффекта» придаёт подходу Асемоглу и его коллег элемент детерминизма, но «детерминизма наоборот».

Несмотря на некоторую двойственность их позиции, она не подтверждает существование зависимости развития демократии от роста доходов, смыкаясь с подходом Пшеворски и Лимонжи. В то же время предложенное Асемоглу и его коллегами объяснение причин наличия/отсутствия корреляции между доходом и демократией фактором выбора той или иной страной пути развития созвучно концепции «множественной современности».

Заключение

Обе модели имеют свои преимущества и недостатки. В изоморфной модели модернизация понимается как целостный, социетальный процесс, затрагивающий все сферы общества. Она сохраняет взгляд на необходимость общих черт перехода к современному обществу, которые дают право назвать такой переход модернизацией. Для данного подхода характерна недооценка социокультурных особенностей незападных обществ, затрудняющих процесс их вестернизации. Отчасти это связано с редукцией модернизации к дифференциации. В ряде случаев осмысление соотношения экономической и политической модернизации тяготеет к подмене корреляционных связей каузальными. Кроме того, в изоморфной модели стадийный и цивилизационный подходы настолько сближаются друг с другом, что становятся взаимно заменимыми.

Сторонники неизоморфной модели раздвигают границы понимания модернизации, отличая её от вестернизации. Разграничение обоих понятий имеет не только теоретико-методологическое, но и практическое значение. Оно помогает оценить способность разных цивилизаций войти в современный мир и развиваться в нём. У части сторонников неизоморфной модели наблюдается тенденция размывания идеи модернизации из-за склонности к отождествлению множественности модернизаций с множеством цивилизаций, редукции модернизации к трансформации, недооценке экзогенных факторов. В неизоморфной модели баланс стадийного и цивилизационного подходов нередко нарушается в сторону последнего.

Предложенный западной социологией принцип корреляции реального и символического для оценки модернизации сталкивается с рядом трудностей его обоснования. Если принять трактовку С. Липсета за доказанный постулат, иногда называемый ещё «законом Липсета», то окажется, что некоторые его переменные не являются надёжными показателями. Выводы А. Пшеворски и Ф. Лимонжи об отсутствии корреляции между ростом доходов и ростом демократизации общества позволяют усомниться в корректности выбора этой экономической переменной для анализа изоморфизма между экономическим и символическим измерением модернизации. Анализ, предпринятый Д. Асемоглу и его коллегами, отчасти подтверждает эти выводы. Другая переменная – система образования – переживает сегодня кризис, усугубляемый стремительно растущей информатизацией общества. Этот кризис связан с кризисом социально-профессиональной структуры, выражающимся, в частности, в прекаризации (нестабильности профессионального статуса) многих социальных групп. Ещё менее очевидна роль религии в политической модернизации. Религия, как институт, доставшийся от традиционного общества, остаётся консервативной силой. Из всех переменных «закона Липсета» более надёжен такой показатель, как индустриализация, новая фаза которой начата роботизацией производства и созданием систем искусственного интеллекта. Слабые стороны «закона Липсета» не должны давать повод для

отказа от него. Достаточно перевести этот «закон» в разряд гипотезы, в сравнении с которой концепция «множественной современности» выглядит ещё более проблематичной.

Список литературы

- Бауман З.* Текучая современность / Пер. с англ., под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
- Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника, Н. Фёдоровой; посл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 480 с.
- Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ., под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 949 с.
- Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. 2-е изд., доп. и испр. / Пер. с нем. М. И. Левина, А. Ф. Филиппов, П. П. Гайденко; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; послесл. П. П. Гайденко; коммент. А. Ф. Филиппова. М.: РОССПЭН, 2006. С. 19–186.
- Вельцель Х., Инглхарт Р.* Человеческое развитие и «взрыв» демократии: вариации изменений режимов среди 60 обществ // Социология: теория, методы, маркетинг. 2008. № 1. С. 85–118.
- Луман Н.* Дифференциация / Пер. с нем. Б. Скуратова. М.: Логос, 2006. 320 с.
- Кастельс М.* Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / Пер. с англ., под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 458 с.
- Парсонс Т.* О социальных системах / Под ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. М.: Академический проект, 2002. 832 с.
- Парсонс Т.* Система современных обществ / Пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева; под ред. М. С. Ковалевой; вступ. М. С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
- Ритцер Дж.* Макдональдизация общества / Пер. с англ. А. В. Лазарева. М.: Праксис, 2011. 592 с.
- Тихонова Н. Е.* Эволюция концепции модернизации во второй половине XX века / Тихонова Н. Е., Аникин В. А., Горюнова С. В., Лежнина Ю. П. // Социология 4М. 2007. № 25. С. 22–47.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. М.: АСТ, 2003. 605 с.
- Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. В. А. Гордона; науч. ред. пер. Б. С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A., Yared P.* Income and Democracy // American Economic Review. 2008. Vol. 98. № 3. P. 808–842.
- Beck U., Giddens A., Lash S.* Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Stanford: Stanford University Press, 1994. 225 p.
- Beck U.* World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2010. 240 p.
- Cardoso G., Accerero G., Lapa T., Azevedo Z.* Social Movements, Participation and Crisis in Europe // Europe's Crisis / Ed. by M. Castells. Cambridge: Polity Press, 2017. P. 405–428.

Cohen S., Zusan J. Manufacturing matters: the myth of the postindustrial economy. N. J.: Basic books publishers, 1987. 196 p.

Eisenstadt S. Modernization: Protest and Change. N. J.: Prentice Hall; Englewood Cliffs, 1966. 400 p.

Eisenstadt S. Multiple Modernities // *Daedalus*. 2000a. Vol. 129. № 1. P. 1–29.

Eisenstadt S. The contemporary Scene – multiple modernities. 2000b. Vol. 7 // *The Annals of the International Institute of Sociology* / Ed. by Scheuch E., Sciulli D. Leiden: Brill [Электронный ресурс]: Openisbn. URL: <http://www.openisbn.com/preview/9004116648> (дата обращения: 3.11.2014).

Huntington S. P. The Goals of Development // *Comparing Nations and Cultures. Readings in a Cross-Disciplinary Perspective* / Ed. by A. Inkeles, M. Sasaki. N. J.: Prentice Hall; Englewood Cliffs, 1996. P. 470–490.

Lipset S. M. Political Man. The Social Bases of Politics. N. Y.: Anchor Books, 1963. 300 p.

Przeworski A., Limongi F. Modernization and Facts. *World politics*. 1997. № 49. [Электронный ресурс]: Project Muse. *World Politics*. URL: http://muse.jhu.edu/journals/world_politics/v049/49.2przeworski.html (дата обращения: 20.11.2017).

Rosa H. Social Acceleration: A New Theory of Modernity. N. Y.: Columbia University Press, 2013. 324 p.

Touraine A. Modernity and Cultural Specificities // *International Social Science Journal*. 1988. № 18. P. 443–458.

Дата поступления в редакцию: 03.04.2018.

DOI: 10.19181/snsp.2018.6.2.5854

Concepts of Modernization in Western Sociology: The Methodological Aspect

Zhvitiashvili Anatolyj Shalvovich

Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology, FCTAS RAS. Krzhizhanovskogo st., 24/35, bl. 5, 117218, Moscow, Russia. E-mail: zhvitiashvili-a@mail.ru

Abstract. This article examines concepts of modernization in Western sociology. It outlines two main models: isomorphic and non-isomorphic. The criteria for thus outline is the principle of correlation of the real (economic relationships) and symbolic (cultural and political subsystems). In the isomorphic model, modernization is understood to be a comprehensive, societal process affecting all areas of society. It maintains the view of the necessity of some general characteristics of the transition to a modern society which allow such a transition to be termed modernization. The undervaluation of socio-cultural specifics of non-western societies characterizes this approach, which complicates the process of their Westernization. This is partly related to a reduction in modernization in favor of differentiation. In a range of cases, the understanding of the correlation between economic and political modernization moves from a correlational relationship to a causal one. Moreover, in the isomorphic model, the stadial and civilizational approaches are sufficiently similar to one another than they become mutually interchangeable. Supporters of the non-isomorphic model broaden the boundaries of what is understood to be modernization, as opposed to Westernization. This broadening of these definitions has theoretical, methodological and practical significance. This helps to evaluate the ability of various civilizations to enter the modern world and develop in it. Along with this, among some supporters of

the non-isomorphic model a tendency has been observed of the erosion of the idea of modernization due to the inclination towards the identification of many types of modernization in many societies, the reduction of modernization in favor of transformation, and the undervaluation of exogenous factors. Criticisms of S. Lipsett's approach comes down to the principle of correlation between profit and democracy. In the non-isomorphic model, the balance between the stadial and civilizational approaches often interrupted in favor of the previous one. Supporters of both models are separated by the principle of correlation between the real and symbolic in Lipsett's approach. One group adopts it, the other criticizes it. However, the weaknesses of the Lipsett approach are not a justification for rejecting it. It is sufficient to view it as a series of hypotheses, compared with which the concept of "multiple modernizations" problematic more problematic.

Keywords: modernization, Western sociology, correlation between the real and the symbolic, isomorphic model, no isomorphic model, treating by Lipset, multiple modernities.

REFERENCES

- Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost*. [Liquid Modernity]. Per. s angl., Ed. by Uy.V. Asochakova. SPB.: Piter publ., 2008. 240 p. (In Russ.).
- Beck U. *Obschestvo riska. Na puti k drugomu modern*. [Risk Society. On the Road to another Modern]. Per. s nem. Sedelnika V., Fedorovoy N., posl. Filippova A. M.: Progress-Tradiziaya, publ., 2000. 480 p. (In Russ.).
- Bell D. *Gryaduschee postindustrialnoye obschestvo. Opyt socialnogo prognozirovaniya*. [Coming of Postindustrial Society. A Venture in Social Forecasting]. Per. s angl., ed. by Inozemzeva V. L. M.: Academia publ., 1999. 949 p. (In Russ.).
- Castells M. *Informazionnaya epokha: ekonomica, obschestvo i kultura*. [Information Age: Economics, Society and Culture]. Per. s angl., ed. by Shkaratana O. I. M.: GU VShE publ., 2000. 458 p. (In Russ.).
- Eisenstadt S. *Revolutsiya i preobrazovaniye obschestv. Sravnitelnoye izucheniye tsvivilizatsiy*. [Revolution and the Transformation of Societies. A Comparative Study of Civilizations]. Per. s angl. Gordona V. A., nauch. red. per. Erasov B. S. M.: Aspect Press publ., 1999. 416 p. (In Russ.).
- Huntington S. *Stolknoveniye tsvivilizatsiy*. [The clash of civilizations and the remaking of world order]. Per. s angl. Velimeeva T., Novikova U. M.: Astrel publ., 2006. 602 p. (In Russ.).
- Luman N. *Differentsiatsiya*. [Differentiation]. Per. s nem. Skuratova B. M.: Logos, 2006. 320 p. (In Russ.).
- Parsons T. *O sotsialnyh sistemah*. [About Social Systems]. Ed. by Chesnokovoy V. F., Belanovskogo S. A. M.: Akademicheskiiy proekt publ., 2002. 832 p. (In Russ.).
- Parsons T. *Sistema sovremennyh obschestv*. [The System of Modern Societies]. Per. s angl. Sedov L. A., Kovalev A. D. Ed. by Kovaleva M. S., vstupil. Kovaleva M. S. M.: Aspect Press publ., 1998. 270 p. (In Russ.).
- Ritzer J. *Makdonaldizatsiya obschestva*. [The Mcdonaldization of Society]. Per. s angl. Lasarev A. V. M.: Praxis publ., 2011. 592 p. (In Russ.).
- Tikhonova N. E., Anikin V. A., Gorunova S. V., Lezhnina U. P. *Evolutsiya konceptsii modernizatsii vo vtoroy polovine XX veka*. [Evolution of the concept of modernization in the second half of the XX century]. *Sotsiologiya 4M*. 2007. № 25. P. 22–47. (In Russ.).
- Weber M. *Protestantskaya etika i duh kapitalisma*. [Protestant ethic and spirit of capitalism]. Per. s nem. Levin M. I., Fillipov A. F., Gaydenko P. P., sost., red. i posl. Davydov Uy.,N., Gaydenko P. P., komm. Filippova A. F. M.: ROSSPEN publ., 2006. P. 19–186. (In Russ.).

- Welzel Ch., Inglehart R. Chelovecheskoye razvitiye i vzryv demokratii: variacii izmeneniy rezhimov sredi 60 obschestv. [Human development and the «explosion» of democracy: Variations of regime change across 60 societies]. *Soziologiya: teoriya, metody, marketing*. 2008. № 1. P. 85–118. (In Russ.).
- Asemoglu D., Johnson S., Robinson J. A., Yared P. Income and Democracy. *American Economic Review*. 2008. Vol. 98. № 3. P. 808–842.
- Beck U. *World at Risk*. Cambridge: Polity Press, 2010. 240 p.
- Beck U., Giddens A., Lash S. *Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order*. Stanford: Stanford University Press, 1994. 225 p.
- Cardoso G., Accernero G., Lapa T., Azevedo Z. Social Movements, Participation and Crisis in Europe. *Europe's Crisis*. Ed. by Castells M. Cambridge: Polity Press, 2017. P. 405–428.
- Cohen S., Zusman J. *Manufacturing matters: the myth of the postindustrial economy*. N. J.: Basic books publishers, 1987. 196 p.
- Eisenstadt S. *Modernization: Protest and Change*. N. J.: Prentice Hall, Englewood Cliffs, 1966. 400 p.
- Eisenstadt S. Multiple Modernities. *Daedalus*. 2000. Vol. 129. № 1. P. 1–29.
- Eisenstadt S. The contemporary Scene – multiple modernities. *The Annals of the International Institute of Sociology*. 2000. Vol. 7. Ed. by Scheuch E., Sciulli D. Leiden: Brill [Electronic resource]. URL: <http://www.openisbn.com/preview/9004116648> (Date of access: 03.11.2014).
- Huntington S. P. The Goals of Development. Comparing Nations and Cultures. Readings in a Cross-Disciplinary Perspective. Ed. by Inkeles A., Sasaki M. N. J.: Prentice Hall, Englewood Cliffs, 1996. P. 470–490.
- Lipset S. M. *Political Man. The Social Bases of Politics*. N. Y.: Anchor Books, 1963. 300 p.
- Przeworski A., Limongi F. Modernization and Facts. World politics. 1997. № 49. [Electronic resource]. URL: http://muse.jhu.edu/journals/world_politics/v049/49.2przeworskihtml (Date of access: 20.11.2017)
- Rosa H. Social Acceleration: A New Theory of Modernity. N. Y.: Columbia University Press, 2013. 324 p.
- Touraine A. Modernity and Cultural Specificities. *International Social Science Journal*. 1988. № 18. P. 443–458.

Date received by 03.04.2018.